

Фольклорные странички

И вдруг - как это часто случается, когда ждешь и интуитивно ищешь чего-то - жизнь распорядилась: я встретила в Университете Таню Макашину, которая училась на очном, курсом младше меня, и она привела меня на семинар Эрны Васильевны Померанцевой по русскому фольклору. Эрна Васильевна - доктор наук, лет шестидесяти, крупная, простая в общении - руководила во время каникул студенческими экспедициями по собиранию русского народного творчества. В этом году желающим предстояла летняя поездка в Архангельскую область и Карелию - искать и записывать старые обрядовые песни, былины, сказки, заговоры, в общем всё, что сохранилось в памяти старых людей. Я тут же записалась в семинар. Наконец-то появилось увлечение чем-то, напрямую относящимся к моей учебе. Я не пропускала ни одного занятия. Во-первых, это оказалось очень интересно: Эрна Васильевна приводила к нам «носителей» - так называли знатоков народных песен, деревенских людей, которые пели нам, а мы слушали, учились записывать, а потом разбирали диалектические особенности говора - калужского, рязанского, вологодского, и мне нравилось изучать словесные конструкции, падежные окончания и прочие, прежде пугавшие грамматические сложности, которые оказались совсем не сложными. А во-вторых - и это главное - впереди была экспедиция! Будет сформировано несколько студенческих групп, и я вольюсь в одну из них - вот это в самом деле «Горячо»! Особенно радовали обещанные долгие пешие переходы и прочие «трудности».

В середине июня 1959 года галдящей, взбалмошной студенческой стайкой - шесть девушек и двое юношей, сопровождаемые Эрной Васильевной и ее помощницей Екатериной Александровной, женщиной лет пятидесяти, работавшей на кафедре фольклора то ли лаборанткой, то ли секретаршей, - мы приехали на поезде в город Каргополь, откуда должны были через день-другой отправиться по деревням за сбором материала. Мы еще не очень притерлись, исподволь присматривались друг к другу. Мне все по-своему нравились - энергичная, шумная толстушка и хохотушка Наташа Карцева, серьезная, четкая Таня Макашина, хорошенькая, уверенная в себе Майечка Полидва, застенчивая Лена Кузовлева, поэтичная Марина Соломина. Мальчики - серьезный, интеллигентный очкарик Женя Костромин и обаятельный Юра Новиков, опытный собиратель фольклора, опора Эрны Васильевны, - никому из девушек пока не отдавали предпочтения, и это невольно вызывало в женской части нашей группы тайный дух соперничества.

Приехали мы рано утром, остановились в двухэтажном, бревенчатом Доме крестьянина, с двумя большими комнатами, коек на десять каждая, с дровяной печью, с длинным, стоящим отдельно сортиром-бараком, с грубо намалеванными белыми буквами «М» и «Ж» на торцах. Побросали вещи и вместе с Эрной Васильевной отправились осматривать город.

Деревянный, с дощатыми тротуарами, с улицами, носящими пышные названия - Театральная, Ленинградская, Энтузиастов, он показался нам после Москвы похожим на большую деревню.

Церкви, хоть и обветшалые, бездействующие, все равно были красивы, особенно издали, на фоне синего неба. Эрна Васильевна отыскала знакомую смотрительницу Христо-Рождественского собора, построенного еще при Иване Грозном, аккуратную старушку-краеведа Клавдию Петровну, и та повела нас к старинному храму, из последних, казалось, сил вздымающему в небо темные, покосившиеся купола. На дверях висел амбарный замок. Старушка отперла, и мы вошли.

Сейчас же в воздух поднялись десятки, а может сотни, галок. Их крики и хлопанье крыльев подхватило эхо. Многоярусные пирамидальные стены терялись в высоте. Под ногами - хаос из поломанных, покрытых птичьим пометом скульптур, колонн, решеток с декоративными узорами из позолоченного дерева. Резная словно кружево дверь алтаря валяется у стены. Иконостас зияет пустыми ячейками. В резной золоченой миске лежит деревянная ступня, выполненная с чудесной тонкостью. Может быть, она принадлежала деревянному ангелу, чьи останки валяются в общей куче возле алтаря. Под куполом - вытянутая рука, в сжатых пальцах которой - цепь от люстры «От паникадила», - поправила Клавдия Петровна).

- А что делать? - сетовала старушка. - На реставрацию денег не дают. Помощников нет, а мне одной - где за всем уследить?

Рассказала: строили храм с 1552 по 1562-ой. Хранился здесь прижизненный портрет царя Иоанна Грозного, писанный на холсте маслом. Утащили его в тридцатом году, когда храм закрыли. Чудотворную икону Божией Матери забрали в двадцать девятом по распоряжению правительства в пользу голодающих Поволжья. С этого и началось. Когда церковь закрыли, колокола, медь, серебро увезли на подводах, иконы - которые не растащили, сожгли на паперти. Тогда же исчез и портрет. А уж потом сколько раз грабили храм - не сосчитать. Последний раз, год назад, местный бандит по имени Зевс Касаткин взломал ломом дверь. Не столько наградил (грабить-то уже нечего), сколько порушил. Сейчас он в тюрьме сидит, да толку-то что?

В тот день мы побывали еще в Благовещенской церкви, где расположился краеведческий музей.

Торопливые каракули в записной книжке:

«Каргополь - расположен на реке Онеге. Название означает - «Воронье поле» (карга - ворона). Рядом с городом - озеро Лача. Это название связано с одним из самых ярких и загадочных памятников древнерусской литературы начала XII I века – здесь было написано «Моление Даниила Заточника». Автор произведения, сосланный на озеро Лача, повествует о своей горестной судьбе, одиночестве, отверженности, обращаясь к некоему князю, предположительно Переяславскому Ярославу Всеволодовичу. Вокруг этого послания и его автора до сих пор в науке идут дискуссии. Существуют разные гипотезы - о самом авторе, его социальном положении, о точном времени написания «Моления».

В одном из скитов Каргопольского уезда жил Федор Конь - знаменитый зодчий, государев мастер при царе Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Он

был выслан на Соловки, оттуда бежал в Каргополь. Строил (по предположениям) храм Воскресения Христова.

При Иване Грозном Каргополь был основным северным выходом к Белому морю. По Онеге сплавливали лес и возили товары. Каргополь был одним из шестнадцати городов, отданных Иваном опричникам. Был вотчиной Малюты Скуратова. С Каргополем связано имя Болотникова. После гибели Лжедмитрия 1-го Болотников объявил себя «воеводой царевича Дмитрия» и начал военные действия против правительства Василия Шуйского. К армии Болотникова примкнули крестьяне, стрельцы, казаки, мелкий посадский люд. В 1607 году при попытке взять Тулу армия Болотникова была разбита, Болотников взят в плен, привезен в Каргополь и тут ослеплен и утоплен в Онеге.

После того как был построен Санкт-Петербург, Каргополь утратил прежнее значение, остался в стороне от основных торговых путей и начал приходить в упадок. В 1763 году в результате пожара Каргополь полностью сгорел (остались лишь каменные памятники). Восстановлен уже в другой планировке».

Обилие впечатлений только разжигало наше любопытство, но Эрна Васильевна утомилась и ушла в дом крестьянина, разрешив нам бродить по городу хоть всю ночь. Тем более, что стояли белые ночи, и это чудо природы, впервые многими из нас увиденное, приводило нас в восторг. Время было позднее, но светло как днем. Одержимые студенческим энтузиазмом, мы изощрялись в шутках, горланили хором: «Пират, забудь про чудеса, забудь про отчий дом! ...» Нас распирало от чувства свободы.

Вдруг путь нам преградила высоченная бревенчатая стена. Бревна - стоймя, плотно прижаты друг к другу и заострены наверху, а над ними - колючая проволока.

- Что бы это значило? - удивился Женя Костромин и обратился к проходящей женщине: - Извините, вы не скажете, что за этим забором?

- Тюрьма, деточка, - ответила она.

Мы восприняли это как еще одну забавную особенность местного колорита. Ничего себе - в центре города! Не в этой ли тюрьме сидит бандит Зевс Касаткин, ограбивший церковь?

- Откуда вы такие? - спросила женщина.

- Мы студенты из Москвы! - гордо отвечали мы.

- Вы, деточки, идите отсюда, - тихо сказала женщина. - Не надо тут шуметь. Грех.

На острове смерти «Каргопольлаг»

«Пятиметровая острая бревенчатая стена с колючей проволокой окружала пересыльную тюрьму в центре Каргополя.

...Лагерь был основан по приказу НКВД в августе 1937 года, а уже в сентябре в город этапом из Няндомы и Лепши пригнали первую тысячу заключенных. По воспоминаниям очевидцев, шли колонны по шесть человек в ряд в сопровождении стрелков с собаками. Отстававших расстреливали. По прибытии размещали в бараках, а потом гнали на лесоповал. Паутину

колючей проволоки лагерь раскинул не только в Каргопольском, но и по 33 лагпунктам в Няндомском, Плесецком, Коношском районах.

Первая зона появилась близ станции Ерцево. В 1938 году были открыты головные участки железнодорожной линии, ведущей от станции в западном направлении. Эта местность быстро стала лагерным районом. Расстояние от Ерцева до Каргополя довольно значительное. Однако, именно Каргополь был центром лагерного управления.

...Это Управление Каргопольлага до 1940 года располагалось на месте Успенского женского монастыря, на Красной горке. Обитель просуществовала здесь до 1927 года, а затем монахини были вывезены в неизвестном направлении. Как вспоминает старшее поколение каргопольцев, новые хозяева Красной горки перво-наперво сровняли с землей монастырское кладбище и разбили парк отдыха с волейбольной и танцевальной площадками. Платные концерты здесь давали сами заключенные. Несмотря на громкую музыку во время танцев, все равно были слышны звуки выстрелов: поблизости расстреливали зеков.

Протяженность железнодорожных линий Ерцевской железной дороги возрастала год за годом. От главной магистрали отходили ветки, ведущие в глубину лесных массивов. Вдоль магистрали и на ветках вырастали бесчисленные лагерные пункты этой «страны под названием Каргопольлаг».

Трудно представить меру горя и издевательств, что претерпели безвинные люди в лагпунктах, в так называемых командировках и подкомандировках. С ними обращались как со скотом. От голода, болезней, издевательств люди гибли тысячами. Только в 1943 году умер каждый шестой заключенный. Узниками Каргопольлага были около трехсот тысяч человек.

...Среди заключенных Каргопольлага были рабочие и крестьяне, врачи и музыканты, политики с мировым именем. Здесь «плел корзины» и «умер от тоски» бывший соратник Ленина, секретарь компартии Швейцарии Фриц Платен, которого сослали на Север в 1937 году.

В Каргопольлаге поэт Даниил Аль написал:

Тяжко быть пленным в своей же стране,
в лесном океане на самом дне ...
(Из интернета)

Даниил Аль был не только поэт, но и философ, историк, драматург. Прошел всю войну. Его отправили в лагерь в 1949 году за то, что в его диссертации, посвященной Ивану Грозному и опричнине и отданной на отзыв кому-то из писателей, этот кто-то из писателей обнаружил опасные аллюзии и написал отзыв-донос, в котором говорилось, что автор покушается на сталинскую политику. Вероятно, по этому поводу Даниил Аль написал еще и такие строки:

Сколько надо нанять,
Чтобы нас охранять?
Это мало - свирепых карателей,
Палачей, стукачей, надзирателей.
Чтобы нас охранять,

Надо многих нанять,
И прежде всего - писателей.

Прошел через Каргопольлаг и Владимир Рафаилович Кабо, младший брат писательницы Любви Кабо, моего первого редактора. Может быть, это именно он, небольшого роста, бородатый, молодой, но очень усталый, приходил в комнату на Каланчевской и сидел в ветхом кресле, пока мы работали. Судя по недавней фотографии из австралийского альманаха «Австралийская мозаика», на которой он изображен уже патриархом, с седой бородой, но отнюдь не усталым, а наоборот, с живыми, веселыми и добрыми глазами, - это, пожалуй, он и был.

Замечательный ученый-этнограф, историк первобытного общества, первобытной культуры и религии, специалист по истории и культуре аборигенов Австралии, Владимир Рафаилович Кабо с юности мечтал побывать в Австралии. После освобождения из лагеря много лет безуспешно добивался разрешения хотя бы ненадолго съездить в страну, изучению которой он посвятил свою жизнь. И только в конце восьмидесятых, когда он уже перестал надеяться, произошло это чудо. Он уехал в Австралию с женой и маленьким сыном и счастливо прожил там до самой смерти в 2009 году, в возрасте восьмидесяти четырех лет. Много и плодотворно там работал, исколесил всю Австралию, побывал в других странах. Написал автобиографическую книгу «Дорога в Австралию». В этой книге есть страницы, посвященные «Каргопольлагу», где он, в то время студент Московского университета, провел пять лет - с 1949 по 1954-ой. Вот отрывок из этих воспоминаний:

«...Лесоповал - вот главное, чем занимались невольные обитатели Каргополлага. На десятки, быть может, сотни километров от Ерцева тянулись в разных направлениях, через леса и топи, нити железных дорог, а к ним, как бусины, были привязаны ОЛПы - отдельные лагпункты - обнесенные высокими заборами жилые зоны с бараками для заключенных внутри. Вокруг каждого такого ОЛПа разбросаны были делянки, где пилили, валили и разделявали лес, где заготовленный лес трелевали к железной дороге и там грузили на платформы. Это был тяжелый физический труд, все больше ручной. Это и было типичным советским лагерем, и сотни таких лагерей, подобно сыти, были разбросаны по всему лицу советской страны. Трудились в них рабы, труд их был рабским, и социально-экономическая система страны в значительной мере покоилась на рабском труде – на труде рабов-заключенных. Это было рабовладельческое общество, чем-то напоминающее рабовладельческие империи древнего Востока. Другими экономическими основами системы были труд крепостных крестьян - колхозников - и труд полусвободных рабочих, прикрепленных полицейской пропиской к своему городу или рабочему поселку.

Комендантский лагпункт Каргопольлага напоминал Афины времен Перикла. Здесь собрались самые блестящие умы советской столицы - их перевезли сюда, в Ерцево, где в них, очевидно, ощущался недостаток: ранее эти места славились только комарами. Я встречаю здесь Зорю Мелетинского, с которым познакомился еще в Прохоровке на Днепре в 1938

году. Я был еще школьником, а он - студентом ИФЛИ и даже мужем подруги моей сестры. Теперь Зоря - сложившийся ученый: в Москве, у профессора Сергея Александровича Токарева, хранится его рукопись - «Герой волшебной сказки». Токарев сохранил рукопись заключенного автора, и благодаря этому она не была уничтожена госбезопасностью. Много лет спустя она будет опубликована, а потом одна за другой выйдут и другие книги Елеазара Моисеевича Мелетинского, посвященные теории и истории эпоса и мифа. Они станут эпохой в развитии науки, а имя их автора - известным во многих странах мира, но это будет еще не скоро. А пока он заведует складом белья в больнице для заключенных и живет в тесной каморке, набитой кипами постельного белья от пола до потолка. Мы уходим с ним за бараки, ложимся на траву, недалеко от запретной зоны, что тянется вдоль забора, и там, на солнечном припеке, он рассказывает мне о новых направлениях в науке – о структурной лингвистике, о семиотике; он всегда был чуток ко всему новому в науке. Родители шлют ему из Москвы последние журналы по языкознанию и этнографии. И потом, когда я пушу корни на 16-ом ОЛПе и мне тоже начнут присылать книги, а Зоря останется в Ерево, - мы будем обмениваться новыми книгами, связь между нами сохранится.

Я встречаю здесь Изю Фильштинского, арабиста, моего университетского преподавателя. Здесь я знакоюсь с таким же, как я, студентом Московского университета Славой Стороженко, в будущем - выдающимся экономистом и общественным деятелем. А кто этот человек с высоким лбом мудреца, там, на скамейке, в садике с цветущими маками, около бездействующего фонтана, недалеко от столовой для заключенных? Это – Григорий Померанц, будущий автор блестящих философских и публицистических эссе - в одном из них он сам вспоминает об этих беседах у фонтана. Сейчас, в небольшой группе заключенных, он развивает свои мысли о мире и истории, они станут основой его будущих сочинений. Но ведь и философия древней Греции тоже рождалась в таких вот непринужденных беседах.

Моя мама сказала однажды, уже после моего возвращения, - мы были вместе в Покровском соборе на Красной площади: "Средневековье породило людей, идущих впереди своего времени, но оно же беспощадно и жестоко расправлялось с этими людьми". Вспоминая тех, с кем судьба свела меня в тюрьме и лагере, я думал: не живем ли мы в эпоху нового средневековья - но только в неизмеримо более страшном его варианте?»

Вот что это была за бревенчатая стена, в которую мы уперлись, гуляя по ночному Каргополю. Но ничего этого мы не знали, а если что и знали, то подсознательно отторгали от себя, распираемые восторгом тупого романтического невежества, впуская в свой мир только то, что не могло нарушить наш восторженный настрой, чтобы ничто не мешало нам радоваться жизни.

Голодные и полные впечатлений, упоенные красотой белой ночи, мы вернулись в Дом крестьянина. Хозяйка предложила нам «цую покрепче да

погореция», а на вопрос кого-то из нас, знает ли она старинные песни, ответила: «Вот бабушка моя порато много писен знат. Она бы вам спела, да у нее в Почозеро уехано, дак».

Женя Костромин туг же занес в толстую тетрадь услышанное, а потом прочитал нам небольшую лекцию о северном диалекте - глубоком «О» в области гласных, отсутствии редукции в заударных и о страдательных конструкциях типа «у нее уехано».

...Ночью я проснулась от странного шума. В большой общей комнате с десятком кроватей что-то шелестело, я спросонья подумала, что это дождь за окном. Женщина с грудным ребенком, лежащая по соседству, сказала дрожащим голосом:

- Ой, девочка, там крысы!

Я бросила башмаком в сторону рюкзака у стены, и оттуда одна за другой выскочили четыре крысы. Три с писком скрылись в щели, а четвертая, показавшаяся мне огромной, сделала два угрожающих прыжка в мою сторону и только потом повернулась и неторопливо ушла в щель. На полу остался изодранный пакет с недогрызенным печеньем.

На следующий день мы отправились в глубь Архангельской области - на Лёкшмозеро. Ехали на грузовике. Дорога вся в рытвинах и колдобинах. Мы орём хором: «Надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза!» По обеим сторонам – глухой лес. На дороге - солнце, а за первым рядом деревьев - сразу же вековая тень. И вдруг - лес расступается, глаза слепит живое серебро - озеро или речка. Поля усеяны большими белыми валунами-моренами и огорожены косыми плетеными заборами-огородами. За деревьями стоят полуразрушенные церкви, а иногда - маленькие часовни.

Вот и Лёкшмозеро - огромное, ярко-синее, в белых бурунах. Противоположный берег едва виден. На самой середине - лесистый островок, круглый и аккуратный, словно воздушный пирог на блестящем блюде. Черные просмоленные лодки привязаны к дощатым мосткам у берега. На откосе - баньки. По озеру раскинуты белые поплавки рыбачьих сетей.

Мы остановились в деревне Хвалинской, у Осипа Матвеевича Макарова и его жены Анны Васильевны, в высоком из почерневших бревен доме с маленькими окнами под самой крышей. Жилые комнаты - на втором этаже. Скотина - внизу. Слышно бляенье овец, похрюкивание свиньи, коровье мычание. Тянет навозным запахом. Но комнаты чистые, полбелый, скобленный. По стенам - крашеные лавки. Рядом с иконами - плакаты: «Слава Советскому народу!», «За три рубля можно выиграть стандартный жилой дом!»

Хозяйка туг же поставила самовар и начала жарить на плите свежевывловленных окуней. Эрна Васильевна села набрасывать план работы, Екатерина Александровна, взявшая на себя роль завхоза, выкладывала на стол колбасу и прочие городские продукты, а мы пошли пройтись по деревне.

Это была когда-то, видно, большая деревня, но теперь многие, крепкие на вид, дома стояли с забитыми крест-накрест окнами и дверями.

На окраине - стройная деревянная церковь, за ней - кладбище. Мы фотографировали друг друга на фоне церкви.

Подошел старичок с двумя маленькими белоголовыми девочками. Все трое вежливо поздоровались. Смотрели, как мы фотографируемся. На вопрос - старинная ли церковь - старичок охотно рассказал (а Женя Костромин записал в тетрадь, с которой не расставался):

- Не вельми старинная. Это церковь Спаса. Построил ее Алексей Иванович Новожилов, без единого гвоздя. Годов сто тому уж будет. Говорят, в Спасов день он забрался на колокольню, выстал на крест и на три стороны поклонился. Ну, люди ему денёг надавали, подарков. Он сам из наших мест, Лёкшмозерский. Я уж этого не помню, манить не стану. А самого мастера-от помню, я тогда еще мальчонкой был. А теперь уж мне восемьдесят восемь годов.

Внутри церкви полно диких голубей. Всё загажено, и не только птицами. На бревнах вырезаны надписи: «Коля. 1937»; «Здесь были Сережа и Алексей. 1940».

- Закрыли ее в тридцатом году, - объяснил старик. - А с тех пор в ней чего только не было. И пересыльная тюрьма, и картошку в ней хранили, и клуб молодежный одно время был. Дак теперь и крыша вся сгнила начисто, и молодежи никого не осталось.

Веселой гурьбой вернулись в дом и сели пить чай из тульского старинного самовара. Хозяйка подала к хрустящим окунькам необыкновенно вкусные рассыпчатые лепешки, которые она называла коlobками, и ватрушки с творогом. За чаем объяснила, что окошки в здешних домах высоко над землей потому, что зимой дом заваливает снегом. Всё хозяйство при доме. И скотина, и сеновал, и кладовые.

Когда убрали со стола, Анна Васильевна открыла большой кованый сундук и показала нам «досюльные» наряды времен своей молодости - сарафаны, казачки, расшитые покрывала, шали. Еще показала книгу в обгоревшем по краям кожаном переплете с металлической застежкой, бережно завернутую в белый чистый платок с бахромой.

- Когда церковь - от разорили, - объяснила она, - молодежь согнали - книги жечь церковные, дак. Батюшка увидел - а там и его внук, пионер, книги жег - пришел домой, повернулся к стене и помер. А которые книги не сгорели, люди потом из кострища достали да тайком унесли. Вот и я это Евангелие берегу, дак.

Всё было интересно, необычно - и особый говор, и «досюльные» расшитые сарафаны, и старинное Евангелие, и мычание коровы внизу, и непривычная, очень вкусная снедь. Всё вокруг - крепкие заколоченные дома, мертвая, но так искусно срубленная без единого гвоздя церковь, что и сейчас еще поражала красотой, - говорило о высокой, с традициям и, деревенской культуре, о когда-то прочном, умном укладе, разоренном и погубленном.

С утра мы разделились на пары и отправились по домам записывать песни, старины и стихи (баллады здесь называют «старинами»), а былины -

«стихами»). Вся деревня уже знала, что приехали «люди с Москвы, записывать песни для науки». Нам с Леной Кузовлевой поручили обойти три избы. Для нас с ней это был первый такой опыт, мы немного робели.

Но в первой же избе нас приветливо встретила старушка Пелагея Ивановна Макарова (в этой деревне все Макаровы), усадила за стол, напоила «цаем» с брусничным пирогом, а на нашу просьбу спеть - задумалась, а потом, не ломаясь, запела. Голосу нее был высокий, сильный. Мы с Леной записывали, как нас учили: она первую строчку, я - вторую. Записали свадебные - про белую лебедушку, которая попала в стаю гусей, про злую свекровь - мы только успевали записывать. Лена восхищалась:

- Как вы много песен знаете!

- Да . . . Писня - не молитва, ей недолго учиться.

Потом снова пили «цай», Пелагея рассказывала: восемьдесят лет, муж на лесоповале погиб, сыновья на войне убиты, дочь умерла.

- Все в земле, одна я поверх земли. Нога не ходит, рука не водит, язык не вертится - стара стала. Спасибо, хоть песни мои в Москву пойдут, людям.

В следующей избе нам не повезло. Хозяйка, Клавдия Макаровна, заявила, что ничего нам не скажет, а то ее потом заберут. Напрасно мы убеждали ее, что песни нужны «для науки» и никто ее не заберет, кому она нужна - старуха только мотала головой и твердила: «нищяго не малтаю».

Зато в третьей избе мы напали на золотую жилу. Николай Емельяныч был подвыпивши, усадил нас за стол, сам сел на лавку возле печки, начал с частушек, потом оказалось, что он знает почти забытые в этих местах былины о Микуле, об Илье Муромце, о Егории Храбром. Потом принялся рассказывать байки про леших.

- А вы сами-то, дедушка, верите в леших? - спросила Лена.

- Кто его знат, - ответил он. - Вы-то, молодые, конечно, не верите. А друтой раз по лесу бродишь и не можешь выйти. Блудишь - кто, как не леший, водит?

Он и сам был похож на лешего - хитрого, с седой, венником бородой.

Мы записывали чуть ли не до двенадцати часов ночи. Юра и Женя, когда мы им рассказали про былины, взвыли от зависти и заявили, что завтра сами пойдут к старику - может, он еще какие былины знает.

За три дня обошли Лёкшмозерские деревни, переписали набело собранный материал и разделились: Эрна Васильевна с Наташей, Таней и Мариной пошли за пятнадцать километров на Тамбичозеро, а мы с Леной, Маечка, Юра, Женя и Екатерина Александровна стали готовиться к тридцатикилометровому переходу - на Колодозеро.

Кажется, начались долгожданные «трудности». До сих пор мне не приходилось ходить пешком на такие большие расстояния. Я побаивалась. С детства почему-то считалось, что у меня плоскостопие. Когда мне было лет двенадцать, мама заказала мне супинаторы, которые я, походив несколько дней, тайком от мамы вытащила из туфель, а то очень давили. А вдруг теперь это плоскостопие даст о себе знать, и я отстану, опозорюсь?

Хозяйка, глядя, как мы навьючиваем на плечи рюкзаки, ахала и приговаривала:

- Как же вы пройдете-то с такой кладью? Дорога-от вельми расторбана!

Шли, подвернув шаровары, закатав рукава ковбоек, подкладывая руки под лямки рюкзаков, чтобы не резало плечи.

Впереди, помахивая веточкой, Юра, легко, словно гуляя, хоть и с самым тяжелым рюкзаком. За Юрой - Майечка, тоже легко, пружинисто - туристка и не в первый раз в таких экспедициях. А за Майечкой, шаг в шаг, я. Повторяю все ее движения.

Она вскинет рюкзак повыше - и я. Она сойдет с колеи на мокрую траву - и я. Мне кажется - так легче.

Юра шутит:

- Майечка, а ты могла бы сделать сейчас стойку на руках, не снимая рюкзака?

Женя Костромин не воспринимает иронии:

- Как же она может сделать стойку? Во-первых, рюкзак перетянет...

Каждые полтора часа - пятнадцатиминутный привал. И снова - с холма на холм, обливаясь потом, отмахиваясь от комаров, под шутливые подбадривания нашего ведущего. Но мне не до улыбок. Все силы уходят на то, чтобы не показать усталость. На спусках еще ничего, но подъемы выматывают.

За спиной - пыхтение Лены. Для нее это тоже первый такой переход. Кажется, и ей нелегко. Женя замыкает шествие.

Единственная, кто нарушает это наше преодоление трудностей,

- Екатерина Александровна: вместо ковбойки и брюк - старомодная полосатая кофта с высокими плечиками, длинная юбка, босоножки и белая панاما. За плечами - тощий рюкзак, в одной руке ветка - отгонять комаров, в другой - холщевая сумка. И никаких признаков усталости. Шагает и шагает, внимательно глядя на обочины. Иногда нагибается - гриб нашла. К концу пути у нее уже полная сумка грибов - отборных белых и подосиновиков. Даже обидно: ведь переход же! Трудности же! А Екатерина Александровна со своей сумкой - словно с базара возвращается.

К концу третьего часа пути я чужь не валилась с ног. Дыхание перехватывало. Во рту пересохло. Фляжка давно опустела. А Юра не снижает темп, и Майечка от него не отстает. Если что и поддерживало меня, то только страх оказаться хуже всех.

Вдруг - родник. Он лился с камня на камень, сильный, свежий, от него, казалось, исходил холод. Трава вокруг была в серебристых брызгах, словно в инее. Как он журчал! Какие уютные разлапистые ели его окружали!

Но до привала оставалось еще полчаса, и наш нестигаемый ведущий прошел мимо родника, и почему-то никто ему не возразил. Он еще заметил с ехидством:

- Как звенит-то, а? Ну ладно, пошли дальше.

Большой привал сделали возле какого-то болотца. Вода была коричневая, с щепками и травинками, но все равно это было наслаждение - напиток хотя бы такой, а потом сидеть, вытянув ноги, и целый час отдыхать от тяжелого рюкзака. Разожгли костер, нарезали хлеб, разделили взятый из деревни омлет, разогрели прямо в банке тушенку. Еловые ветки трещали и стреляли искрами,

теплый воздух над костром струился, и фигуры моих спутников тоже струились как мираж.

А все-таки до сих пор жалко, что не сделали привал возле того родника.

Последние километров восемь шли, не отдыхая. И – вот странно - эти последние километры дались мне гораздо легче. Дыхание не сбивалось, шаг стал упругим. Словно я попала в нужный ритм, и появилась уверенность, что теперь-то – дойду и никакое плоскостопие мне не мешает. Да, может, его и не было никогда.

Полусгнивший столб с надписью на двух языках сообщил нам, что мы перешли границу Архангельской области и вступили на территорию Карело-Финской АССР.

И вот вдали показалось - то ли небо, то ли вода, то ли все вместе, слившееся в одну громадную голубизну - Колодозеро! Оно лежало спокойное, громадное, все покрытое зелеными островками. По озеру двигались черные силуэты лодок – рыбаки ставили сети.

В деревне Погост, в первом же доме, куда зашли Юра с Екатериной Александровной договориться о постое, нас приветливо впустила хозяйка, Ирина Константиновна Богданова, лет сорока, дородная, красивая, с косой вокруг головы.

(Я еще не знала, что жизнь свела меня с героиней моей будущей книжки «На Колодозере», женщиной потрясающей судьбы.)

Хозяйка тут же поставила самовар, затопила плиту. Екатерина Александровна принялась резать и жарить грибы, а мы, покидав рюкзаки, побежали на озеро. Песчаный берег, серые валуны на берегу, чистейшая, прогретая солнцем вода, которая мгновенно смыла усталость, и счастливое чувство - прошла! И не хуже других!

По берегам Колодозера разбросано шесть деревень. Мы тянули жребий, кому какая деревня. Нам с Леной досталось Заозерье, километрах в трех от Погоста.

Сразу же нам не повезло: хозяйка красила пол и не захотела с нами разговаривать. К тому же оказалось, что у нее в прошлом году уже побывали студенты из Петрозаводска.

- Три дня у меня Сережка сидел! Всё вымотал!

В следующей избе старушка тоже отказалась петь.

- Раньше много писен знала, а нонь все забыла.

- Ну, не может быть, чтобы все! Ну, вот нищие у вас раньше ходили, вот что они пели?

- Калики-то переходные? А много пели, божатки! Бывало-ча, и про Лазаря пели, и про Михаила-от Архангела . . .

- Ну, спойте про Лазаря.

- Про Лазаря? Ой, беда-то бедная, всё забыла!

- А свадебные? - спрашивали мы. - Ведь справляли же у вас свадьбы! Пели! Причётывали! Неужели вы все причёты забыли?

- Э-э, подружки божоны, молода была - баско причётывала, а нонь ницего не помню!

- Да вы и сейчас еще не старая!

- Какое не старая - восемьдесят на Троицу стукнуло!

- Ну и что? Нам один старичок пел, ему уже девяносто, а он всё помнит!

Это мы будим в старушке дух соревнования. Возраст легендарного старичка увеличивается в зависимости от возраста упирающейся «носительницы». Иногда помогает. Но упрямая старушка все-таки нам ничего не спела, даже рассердилась под конец:

- Котора фрянка манить буду, коли ницяго не малтаю!

На местном диалекте: какого черта врать буду...

Так и ушли ни с чем.

Сели на бревна возле какой-то избы. Моросил дождь. Хотелось есть.

Оставался еще Андрей Июдич Кузнецов. Его адрес дала нам наша хозяйка, он был ей то ли деверь, то ли свояк. Нам показали его избу.

Июдич с женой обедали. Нас посадили за стол и принялись угощать. Мы ели «рыбник» - крупную плотву, целиком запеченную в пирог. С пирога срезают поджаристую крышку и едят, подцепляя рыбу вилкой прямо с блюда и заедая хрустящими кусочками крышки. Необыкновенно вкусно! К чаю хозяйка подала целое блюдо теплых, рассыпчатых колобков.

Андрей Июдич, пообедав, ушел на работу - он кузнец. Сказал, чтобы мы пришли к нему в семь часов вечера - он нам будет петь и сказывать.

Повеселевшие, наевшиеся, мы на всякий случай зашли в соседнюю избу, и тут нам подфартило: хозяйка, правда, петь не захотела («кабы вы мне, сугревушки, бутылочку поставили, я бы вам спела, а так - хоть черту свисни мои песни»). Зато мы записали от ее внука разные считалочки. Детский фольклор нам тоже нужен.

До семи часов мы гуляли у озера, рвали васильки, плели веночки.

Лена рассказывала о своем женихе Димке. Он учится в МАИ. Они дружат с седьмого класса и должны пожениться, как только оба защитят диплом. Вообще-то, он настаивает расписаться раньше, сразу по ее возвращении, но последнее время ей кажется, что она к нему охладела. Как-то ей с ним стало не о чем говорить. Она пытается привить ему любовь к классической музыке, к живописи, к литературе, а ему это ничего не интересно. Кроме того, у них совершенно разные взгляды на многие вещи. Но всё у них уже решено, обговорено с его родителями и ее мамой: первое время они будут жить у его родителей, те обещают помочь с первым взносом на кооператив. Так что обратного хода нет. Ее мама правильно говорит: нечего искать журавля в небе. Главное, чтобы человек был надежный.

Лена как-то обреченно потупилась, и ее милое, наивное лицо со светлыми глазами и смешной родинкой на кончике носа стало печальным.

- А у вас уже - было? - спросила я.

- Что было? - не поняла она.

- Ну. Это!

- Нет, что ты! - покраснев, ответила она.

Я вспомнила, что, когда уезжали, рядом с ней на вокзале стоял коренастый парень с густыми насупленными бровями и беспокойным, ревнивым взглядом небольших острых глаз.

- Это он тебя провожал?

- Он, - ответила Лена и вопросительно на меня взглянула, молча спрашивая - как он тебе?

Что мне ей ответить? Что не надо безвольно подчиняться обстоятельствам, что еще не поздно отказаться от заведомо нелюбимого жениха? Но какое я имела право навязывать ей свой опыт?

- По-моему, нормальный, - сказала я.

В семь часов мы пришли к Июдичу, но дома не застали: он ушел к соседке резать барана.

Снова мы пили чай с наливками и сочными, хозяйка, Настасья Ильинична, маленькая, подвижная, очень добрая, рассказывала: шестьдесят семь лет, сыновья разъехались, «доць» умерла, внук с ними живет. После чая мы помогли ей перемыть посуду, и она спела нам массу песен. Голос у нее низкий (тут обычно поют высокими голосами), грудной, не очень сильный, но выразительный. Пела масленичные, обрядовые, жестокие романсы. Комната вся в вязанных круглых ковриках, на полу - полосатые дорожки. По стенам лавки, на столе самовар. Иконы, фотографии родственников в рамках из серебряной фольги. Белобрысенький внук Саша возится на лежанке с кошкой. За окнами - белая ночь: нежный апельсиновый закат и струящееся синее озеро. А женщина за столом сидит, подперев голову, и поет. Голос мягкий, печальный, с характерным северным выговором:

Скоро-скоро ль придется расстаться,

Да не скоро придется забыть.

Скоро ль горькие слезы польются

На мою ли на белую грудь ...

Андрея Июдича мы так и не дождались. Он зашел на минутку и снова ушел - выпивать по поводу того, что зарезал барана.

Мы не жалели об этом.

Через два дня группа наша снова разделилась: Майечка, Марина и Юра отправились за четырнадцать километров на Пелусозеро, а мы с Леной, Женей и Екатериной Александровной - в другую сторону за пятнадцать километров, на Салмозеро. Удивительно, как легко дались мне эти пятнадцать километров. Может, я уже привыкла к рюкзаку. А может, поверила в свои возможности. К тому же мы шли вечером, солнце не пекло, и комары нас не кусали, потому что мы намазались диметилфталатом.

Деревня Татарская гора, куда мы пришли, стоит на самом берегу озера. Екатерина Александровна тут же принялась помогать хозяйке ставить самовар (к слову сказать, еще ни разу нам тут не встретились неприветливые хозяйки), а мы, как всегда, - на озеро, купаться. А потом - самовар, простокваша («простокиша»), топленое молоко, картошка в мундире, соленые рыжики. На стенах - плакаты, все почему-то в повелительном наклонении: «Стреляй метко!», «Будь бдителен!», «Стой на страже!»

Екатерина Александровна осталась ночевать в избе, а мы с Леной и Женей устроились на сеновале, подстелив одеяла, утопая в душистом сене. Смотрели в большое полукруглое окно и радовались быстрой смене впечатлений. Только позавчера катались втроем на лодке по Колодозеру, пытаясь догнать малиновые отсветы белой ночи, огибали островки, слушали, как шуршат хвощи. От ударов веслами вода завихрялась в сложный, как на «досюльных» полотенцах, орнамент. Лена сидела на корме и, казалось, впитывала в себя все, что видела.

А сегодня мы уже далеко от той лодки и от тех хвощей.

А впереди нас ждут новые места . . .

- Смысл жизни, - философствовал Женя под звуки коровьего мычания и похрюкивание поросенка за стеной, - в вечной свежести восприятия. Смена впечатлений - вот источник. . .

- А продолжение рода? - смущенно возражала Лена.

- Ну, это само собой, я говорю о смысле жизни в его духовном значении . . .

Потом почему-то заговорили о Сибелиусе, Лена сказала, что обожает «Грустный вальс», Женя начал объяснять, почему это произведение - с его точки зрения - гениально. Лена благоговейно слушала. Я вскоре начала засыпать, а они еще долго шептались.

Хозяйка наша, Паладья Петровна, принимает горячее участие в нашей работе. Сама она знает массу песен, причётов, рассказала нам с начала до конца весь свадебный обряд. Всем гостям она объясняет:

- Ёны люди с Москвы. Им нужно мортильял. Ну вот, им кто писню споё , кто соврёт что, а ёны - всё в тетрадь!

Гости удивляются:

- Да неужто наши песни в Москву пойдут? Хрущеву?

Гости идут один за другим. Еще бы! Новые люди, да еще «С Москвы»! Подолгу сидят, «беседуя» с нами. Особенно такие беседы хороши за «чаем». Чаепитие - священнодейственный обряд. Куски рафинада раскалывают щипцами на крохотные кусочки. Пьют вприкуску. В чай добавляют топленое молоко с коричневой пенкой. Оно налито в глиняную латку, в которую опущена деревянная ложка. Пьют из блюдца, неторопливо, с чувством. Пустую чашку молча протягивают хозяйке, и она наливает следующую. Когда выпита последняя чашка, ее ставят на блюдце кверху дном, а сверху кладут осколочек сахара.

Мне очень нравится этот неторопливый ритуал, и вообще, мне всё нравится в этих местах. И то, что избы доверчиво не запирают, а когда уходят, приставляют к двери палку - батожок. И то, что здороваются со встречными, даже с незнакомыми, а вот мы, городские, часто не догадываемся это сделать. Может, мне еще и потому тут всё по душе, что в простодушии, гостеприимстве, доверчивости, доброте местных жителей много от вырастившей меня няни Шуры, калужской крестьянки, самого любимого человека моей жизни.

- Ешь, Женюшка! - угощает Паладья. - Поправляйся! Вот как женишься - тут уж не до угощений. Будешь петь тогда:

Я у тещи был в гостях
На переменной пище:
Утром - чай, днем - чаёк,
Вечером - чаище!

Лена тут же схватила карандаш и записала частушку.

Хозяйки и гости были поражены:

- Уж записала! Ах, батюшки! Уж успела! А я и не думала ницего, только вымолвила прибатурку, а у ей - готово! Записала! Ловко!

Здесь, у Паладьи, мы слышали и записали и про Бову-королевича, и про Лазаря, и про Михаила-архангела. Беременная Маруся рассказала, как заговаривать против змеиного укуса и против грыжи.

Забавная эта Маруся. Она так рассуждает:

- Нонче хату уберу, завтра сено пограблю, да в баенку схожу, а послезавтра - родить буду!

...Час назад мы с Леной вернулись из деревни Костина гора, в двух километрах от нашей деревни. Три часа провели у «носительницы» Марии Николаевны Костиной, она работает в колхозе дояркой. Записали три сказки, несколько жестоких романсов. Когда мы уже уходили, вернулся с рыбалки ее муж,

Василий Кузьмич, и закричал с порога:

- Ты, Марья, не баско поешь! Вот я вам скажу бывальщину!

И рассказал нам с десятков рыбацких бывальщин, и еще мы записали рыбацкую молитву:

«Господи, благослови. Я еду, раб Божий Василий, на свои тони. Сетки мои и сметки мои, рыба-матушка, меня не обойди, людей не пугайся и не стороняйся, в мои сетки пихайся. У меня ловушечка нОва, ржица позимОва, пшеница ярОва. Есть что пить, есть, веселиться, да рыбу ловить стремиться Отныне дОвеки, вовеки п Овеки Аминь».

Сейчас Лена с Женей сидят на бревнышке перед домом, почти касаясь друг друга головами, и что-то горячо обсуждают. Явно не устное народное творчество. А я - в доме за столом, заваленном тетрадям и, переписываю собранный материал.

В соседней комнате, отделенной ситцевой занавеской, тихонько

«беседуют» Екатерина Александровна и хозяйка. Только что прошел сильный дождь. Теперь солнце, и над Салмозером - радуга. Вода волшебного, зеленовато-сиреневого цвета. В ней купаются и кричат чайки.

Завтра мы уходим на Кенозеро. Там, в деревне Рыжкова, мы должны воссоединиться с обеими группами. До Кенозера - тридцать километров, но мы идем без рюкзаков, их заберет Екатерина Александровна, которая наняла подводу.

Все-таки странная эта Екатерина Александровна. Со своим длинным, унылым лицом, плоской фигурой, пучком серых волос на затылке, дотошная, скучная до оскомины – типичная старая дева, которой не повезло в жизни. Всё, о чем она с

нами говорит, - незначительно и приземленно. Например, обсуждали прошлогоднюю поездку в Суздаль, восхищались Суздальской архитектурой, а Екатерина Александровна вспомнила только, что потеряла в Суздале зонтик. - Главное, я прекрасно помню, где я его оставила, но было уже поздно возвращаться - ждал автобус.

Любит рассказывать про свою кошку Мотьку, оставленную под присмотр соседки.

- Когда Мотька говорит: «МЯУ» - значит, она чем-то недовольна.

А когда она говорит: «МУРР» - я уж знаю, ей хочется, чтобы я ее приласкала.

Так-то она хорошая тетка, хозяйственная, ловко управляет с чугунами, ухватом, кочергой. Не допускает, чтобы мы ходили голодными или перекусившими хлебом с молоком. Придешь после работы или после купания, а она стоит у печи, ворочает ухватом, сковородником, готовит уху невероятной вкусноты или жарит омлет. Сразу располагает к себе деревенских бабок. Без особых усилий собирает в одной деревне материала больше, чем мы в нескольких. А главное - она ничем не стесняет нашу свободу, следит только, чтобы мы были сыты и не промочили ноги. Такая добрая нянюшка, ничем, казалось, не способная удивить.

И все же удивила. В пасмурный теплый вечер мы с Леной и Женей пошли купаться. Озеро было покрыто рябью и тускло поблескивало, как рыба чешуя.

- Что-то неохота лезть, - сказал Женя.

- А там уже кто-то плавает, - заметила Лена.

- Где?

- Вон!

Пловец был далеко. Приближаясь к берегу, он резал воду ровно, как по линейке. Нырнул, подолгу не появлялся, выныривал, снова плыл все тем же безукоризненным кролем, переворачивался на спину, бил по воде ногами, взбивая белую пену.

- Неужели кто-то из аборигенов? - удивился Женя.

- Ну да! Дед Федосей! - поддержала я.

- По-моему, это Екатерина Александровна, - сказала Лена.

Да, это была она. Достигнув отмели, встала по пояс в воде, сняла резиновую купальную шапочку, пощупала жидкий пучок на затылке. На ходу, все еще глубоко дыша, улыбнулась нам, и - куда девались ее постность и унылость? Даже ямочки

на щеках появились. Мы вдруг словно увидели ее такой, какой она была когда-то в молодости, без этой затаенной горечи в опущенных кончиках губ.

Но сказала в обычной своей скучной манере:

- Дно хорошее, песчаное.

- Как вы здорово плаваете, Екатерина Александровна! - восхитилась Лена.

- Я ведь выросла на Волге, - ответила она.

Подняла прижатые камнем полотенце, халат и ушла за большую белую морену переодеваться.

А через полчаса с обычным своим тихим старанием томила в печке грибы в молоке на ужин и рассказывала, что готовить грибы таким способом ее

научила какая-то монашка и что в избе, где они ночевали, было чрезвычайно много клопов.

...Радуга над озером давно исчезла, вода приобрела серый с проблесками вечерний цвет. Период белых ночей заканчивался. Смутный, сумеречный свет, глядящий в маленькое окно, был еще не ночной, однако карандашные строки в тетради почти не различимы, впору зажигать керосиновую лампу. Но я не зажигала. Хотелось проникнуться ощущением этих сумерек - последних признаков уходящих белых ночей.

За занавеской Екатерина Александровна полушепотом о чем-то рассказывала хозяйке. Речь шла о каком-то лагере под городом Канском, о дочке Танюше, которой было всего восемнадцать лет, о муже, ученом, который откуда-то не вернулся, о враче по фамилии Зеков или Зекин, который ее спас в лагере от смерти, о каких-то запросах, поисках, отказах...

Хозяйка ахала и вздыхала. А в моем изуродованном советской идеологией воображении, как в перевернутой реальности, представлялся какой-то пионерский лагерь под Канском, где дочка Танюша работала пионервожатой, и к ней на родительский день приехала Екатерина Александровна и заболела, и ее спас доктор Зеков или Зекин. А ученый муж пропал без вести на войне, и вот теперь она его ищет, шлет запросы.

Я решила, что Екатерина Александровна всё это придумала, что она купается в собственных фантазиях, как тогда купалась в озере. Это показалось мне забавным, и, вернувшись в Москву, я написала рассказ про старую деву, которая от душевного одиночества придумала себе мужа и дочку, а у самой нет никого, кроме капризной кошки Муськи.

Мне до сих пор стыдно за тот рассказ.

Сейчас даже не верится, что я могла так ничего не понять. Хотя о многом уже знала. Видно, вбитые с детства догмы все еще действовали, и я продолжала воспринимать действительность сквозь развевающиеся красные знамена Октября.

Только полгода спустя я поняла, о чем говорила с хозяйкой Екатерина Александровна.

Мы тогда возвращались в Москву из зимней фольклорной экспедиции, снова в сопровождении Эрны Васильевны и Екатерины Александровны. Ждали поезда на вокзале в городе Иваново. В зал ожидания вошли трое военных с повязками на рукавах и направились к нам. Может, группа непривычно по тем временам одетых горластых девчат в брюках и шапках ушанках, юноша китаец, оберегающий громадный магнитофон, - показалась им подозрительной. Эрна Васильевна протянула свой паспорт, объяснила, кто мы такие. Старший вернул паспорт, козырнул, и патруль удалился, а мы еще веселее загорланили. И вдруг Екатерина Александровна побледнела и схватилась за сердце. Эрна Васильевна торопливо достала из сумочки валидол и протянула ей таблетку. Та положила ее в рот и, пробормотав: «Ничего, ничего...», поднялась и вышла из здания вокзала.

Эрна Васильевна, глядя ее вслед, с сочувствием произнесла:

- Она десять лет отсидела, бедная. Мужа расстреляли, дочка единственная погибла в лагере.

Словно приоткрылась бездна, и оттуда дохнуло черным горем.

Господи, какая же я дура.

Между Леной и Женей на моих глазах зарождается чувство. Лена явно борется с собой, но чувство побеждает. С каждым днем оно принимает все более отчетливые формы. Лена смотрит на Женю с восторгом - необычность его взглядов, парадоксальность суждений ее поражают и даже порой возмущают, но он умеет так четко и убедительно обосновать свою мысль, что ей его не переспорить. Да просто ее тянет к нему. А он, кажется, покорен ее восхищением, и все больше его колючий взгляд смягчается, когда он смотрит на Лену. Худенький, невысокий, с шапкой всегда всклокоченных волос, он за время наших путешествий загорел, окреп, самоутвердился, и неказистость куда-то девалась. Клетчатая шейная косынка ему очень идет, придает стилижный вид, и юмор откуда-то появился.

Мы продолжаем держаться втроем - Лена льнет ко мне, словно ища у меня спасения от нахлынувшего чувства. Я вижу, как шатается фундаментальное, тщательно спроектированное здание ее будущей судьбы из-за мальчика, у которого ни кола, ни двора, койка в студенческом общежитии, мама в Алма-Ате и весьма призрачная перспектива аспирантуры.

Идти было хорошо: рюкзаки уехали накануне с Екатериной Александровной на подводе, а мы втроем налегке дошли до деревни Тамбич-лахта. Оттуда надо было переправиться через озеро на лодке. Лодочник оказался вдребезги пьян. Его жена привела нас в избу, где он отходил от запоя, посадила за стол, накормила рыбником, напоила чаем с топленым молоком, калитками и колобками. Все время, пока мы обедались, пьяный лодочник «бесёдовал» с нами:

- Я -то уж никуда не гожусь - шестьдесят лет. А вот Андрюха, сын мой, он лихой! У него - эт-та ... Молодой! Засватаем кого из вас! Оставайся, девка!

Тыкал пальцем в бок то Лену, то меня и кричал:

- Ты чего отворотилась, едят тебя мухи с комарами! Оставайся!

Живем небогато, нуждой непорато, а всё у нас есть! И дичь всегда на столе, и рыба! Андрюха - парень хороший, у него - эт-та . . . Молодой!

В конце концов, хозяйка отволокла его в соседнюю комнату, а вскоре пришел Андрюха, застенчивый парнишка лет семнадцати, и перевез нас через озеро. Дальше мы дошли до деревни Ершово - это уже на Кенозере, а оттуда на рыбацьем карбасе с двумя тетками, перевозящими бидоны с молоком, добрались до Рыжкова..

- Богатый у вас колхоз? - спросила я у теток.

- И-и, подружка, где там богатый! Двадцать лет в колхозе состоим, богатства не видим.

- А как ваш колхоз называется?

- Колхоз-то? Красный . . . Красный . . . Марья, не помнишь ли?

Все же колодозерские деревни гораздо многолюднее, живее, чем те, в которых мы побывали. Много молодежи, строятся дома, на мысу, как лебедь, стоит белая церковь. Тетки сказали, что в ней клуб.

Мы думали, что обе наши группы уже в Рыжково, приготовились к объятиям, распитию бутылки шампанского, но никаких следов их присутствия не нашли. Рюкзаков наших тоже не было: Екатерина Александровна доехала на подводе до Минино и там осталась собирать материал, о чем нам тут же сообщили местные. Удивительно, как быстро тут распространяются новости.

Мы устроились на высоком сеновале. На него надо взбираться по приставной лестнице. Внутри просторно. Сено откинута к задней стене, досчатый пол чисто подметен. Спать еще не хотелось, и я сказала, что хорошо бы дать знать Екатерине Александровне, что мы добрались, а то она будет волноваться. Заодно и рюкзаки заберем. Женя завопил, что это идиотство - идти еще куда-то после тридцатикилометрового перехода, что рюкзаки можно забрать и завтра. Однако, Лена сказала, что она тоже хочет пойти, и Женя тут же согласился.

От Рыжкова до Минина - всего километр. Екатерина Александровна очень нам обрадовалась, накормила и уложила спать. Нас с Леной на свою кровать, а Женю на лежанку.

Утром хозяйкина дочка Тамара спросила:

- На Поч-озеро у колдуньи не были еще?

Женя встрепенулся:

- У кого?!

- У тети Паши Кузнецовой. К ней из всех деревень ходят, она многих лечит, заговоры знает, привороты.

- Вот это да! - загорелся Женя. - Сегодня же пойдем! Как до нее добраться?

Тамара объяснила: полем до ростани, потом по лесной тропе напрямиком километров семь до бережка, а там и километра не будет до деревни Потеряево, где живет Пелагея Максимовна Кузнецова, колдунья.

Женьке явно хотелось идти вдвоем с Леной. Может, я бы и сама с ними не пошла - охота была чувствовать себя третьей лишней. Но Лена категорически заявила, что если идти, то только втроем. Она держалась за меня как за последнюю опору, не дающую ей утонуть в любовном омуте.

Да и потом интересно увидеть колдунью. Хотя и не верила я в ее реальность. В сказках - да, а теперь-то какие колдуньи?

Отправились после обеда.

...Вот и росстань. Отсюда, как в сказке, расходятся три дороги: правая - к чуть видному за соснами озеру; прямо - к вырубке с торчащими пнями. Их потом выкорчуют и землю вспашут под рожь. Третья - в лес. Туда и свернули, как было сказано. И сразу стало теплее: мы точно окунулись в душистое парное молоко.

Я-то совершенно не ориентируюсь в пространстве и положила на своих спутников. А их понесло не напрямиком, как советовала Тамара, а налево, по узкой тропинке. Тропинка некоторое время петляла, а потом исчезла. Мы забирали то влево, то вправо - тропы не было. Под ногами - заросли черники,

вокруг - гнилая, влажная чащоба. Женя споткнулся, ухватился за ствол, и дерево рухнуло. Мы блуждали в поисках тропы, чтобы вывела нас хоть куда-нибудь. Путь пересекали завалы толстых трухлявых стволов. Поставишь ногу - а она проваливается в древесную труху. Комары кружатся над нами сплошным серым облаком.

- Да что же это такое! - в сердцах сказал Женя, размазывая по лицу кашу из комаров. - Леший нас, что ли, водит?

Прав был старик Емельяныч: в таком лесу - не хочешь, а поверишь в леших.

Был двенадцатый час ночи. Еще довольно светло. Стволы деревьев снизу подернуты лиловым туманом. Красиво. Но нам было не до красот. Очень хотелось есть. Дураки, не догадались взять с собой хоть по куску хлеба.

В довершение, мы забрели в болото. Не то, чтобы нас стало засасывать в трясины, но все же не очень-то приятно брести по колено в травянистой густой жиже, руки и лица распухли от комариных укусов, комары визжат в волосах.

...И вдруг мы услышали где-то слева от нас явственный звон колокольчика. Такие колокольчики вешают на шею коровам, чтобы не потерялись. Значит, где-то вблизи жилья!

Мы бросились на звон. Ветки хватали нас за одежду, хлестали по лицам. Сами не заметили, как вылезли из болота. Бежали, перелезали через стволы, перепрыгивая через ручьи, путаясь в ветвях... Только бы не умолкал колокольчик!

И вот чаща расступилась. Мы вышли на пригорок. Прямые сосны стояли не часто, на их тонких, розовых стволах бликами играли пятна остановившегося на горизонте солнца - последней улыбки уходящей белой ночи. Столбы света, как прозрачные колонны, пронзали пространство между деревьями. Пахло хвоей, чистой, сухой землей, земляникой.

Метрах в десяти от нас стояла белая лошадь с колокольчиком на красной ленте через шею. Не затасканная крестьянская кляча, а сказочная, тонконогая, с длинной гривой, стройная кобылица. Чутко подняв красивую голову, она смотрела на нас человеческими глазами. А мы, остолбенев, смотрели на нее.

Она звонко заржала и промчалась мимо нас. Мы - за ней. Она вскоре скрылась за деревьями, но колокольчик звенел, и мы бежали за его звоном. И вот уже мы бежали по тропинке, которую так долго искали. Она привела нас к обрыву. Под обрывом плескалось озеро. На противоположном его берегу стояла деревня. И, темным силуэтом, высокая церковь с тремя куполами.

Мы сели у обрыва на белый сухой мох. Нас окружали заросли лилового вереска. От усталости дрожали ноги.

Белая лошадь исчезла, как и полагается в сказках.

Надо было перебираться на тот берег. Озеро в этом месте сужалось как горловина цифры восемь. Тропинка спускалась прямо к берегу.

Подняв повыше авоськи с тетрадами и фотоаппаратом, мы поплелись через озеро. Оказалось мелко, чуть выше колен.

Был первый час ночи, когда мы, усталые, искушенные комарами, явились в спящую деревню. Сейчас сенокос - «пожня». Ложатся рано, а встают в четыре часа утра.

Можно было переночевать в «байне» на берегу, но очень хотелось есть.

Постучались в первый же дом. Долго не открывали. Наконец открыл бородатый дед в ватнике и кальсонах.

- Здравствуйте, дедушка, извините, мы из московской экспедиции, можно у вас переночевать? - жалобно попросила Лена.

- А ночуйте. Места много, мы со старухой одни живем.

Он проводил нас в большую комнату с двумя деревянными кроватями и под полами.

- Дедушка, а вы нам хлеба не дадите и молока? Мы вам заплатим.

- Каки деньги, берите так. Посмотрите в кладовке. Что найдете, то и берите.

И дед ушел к своей старухе.

В кладовке нашлись крынка молока, латки с простоквашей, круглый домашний хлеб, чугунок с холодной отварной картошкой. Поев, мы едва добрались до кроватей и рухнули, Женя на одну, мы с Леной - валетом - на другую.

Проснувшись я от шепота. Лены рядом со мной не было, а с Жениной кровати из-под полога доносилось:

- Леночка, у тебя совершенно очаровательные глазки.

Пауза. Возня.

- ... Ну почему, Лена?

- Нет - и всё.

- А помнишь, ты мне на Салмозере сказала: да!

- Не помню.

- А вот я - всё, всё помню!

Снова пауза. Вздохи. Возня.

- Ну, почему, Лена? ..

- Потому что - нет!

- А помнишь, ты мне на Салмозере сказала: да?

Под эти нудные любовные уговоры я заснула, а когда проснулась, Лена, печальная, но явно устоявшая, снова лежала на моей постели, валетом. Мрачный Женя у окна записывал что-то в свою толстую тетрадь.

В доме никого не было, видно, дед со своей старухой ушли на пожню. Мы оставили на столе три рубля и вышли на улицу. Надо было узнать, как называется деревня, куда мы попали, и где находится таинственное Потеряево.

В деревне оказалось всего пять жилых домов. Во всех пяти двери были замкнуты на батожок. Остальные стояли с забитыми окнами и дверями. Церковь вблизи оказалась тоже с забитыми окнами. Рядом с церковью - невысокий деревянный монумент на фундаменте из навороченных серых камней. По бокам - две березы. Выцветшая, но еще различимая надпись на монументе гласила:

САМООТВЕРЖЕННОМУ ЗАЩИТНИКУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ТОВАРИЩУ МИЛИЦИОНЕРУ
ПЕТРУ АФАНАСЬЕВИЧУ УШАКОВУ
ЗВЕРСКИ РАССТРЕЛЯННОМУ БЕЛЫМИ БАНДАМИ
28 ДЕКАБРЯ 1919 ГОДА.

ИСТЕРЗАННОЕ, ОГРАБЛЕННОЕ ТЕЛО БЫЛО БРОШЕНО НА
СЪЕДЕНЕ ДИКИМ ЗВЕРЯМ.
ВЕЧНОЕ ПРОКЛЯТИЕ ПАЛАЧАМ!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ КРАСНОМУ ГЕРОЮ МИЛИЦИОНЕРУ!

Вот какие страсти бушевали когда-то в этой тихой, безлюдной деревне. Даже не верилось.

Наконец мы увидели живую душу - парнишку лет пятнадцати. Он гнал корову. Увидев нас, остановился и поздоровался. Рука у него была замотана и висела на платке. Остановилась и корова. Глаза у нее были печальные и потусторонние, как у Аэлиты. На наш вопрос парнишка ответил, что мы попали в деревню Будылгино, а Потеряево - прямо по дороге, тут и двух километров не будет.

- А ты колдунью знаешь? - спросил Женя.

- Тетю Пашу-то? Кто же ее не знает дак, - ответил парнишка. - Вот, спасибо, руку мне вылечила.

- А что с рукой?

- На вилы напоролся. Думал, ницяго, так пройдет. А рука-то болит, распухла, думал, всё, огневица началась, отрежут руку, дак. А тетя Паша, спасибо, заговорила рану. Теперь ницяго.

И он погнал дальше свою Аэлиту.

Мы поднялись по высоким ступеням крыльца и постучались.

- Входите, открыто!

Не знаю, что представляли себе Женя и Лена под словом «колдунья». Я почему-то была уверена, что нас встретит костлявая баба Яга с седыми космами, крючковатым носом и руками граблями, с сопровождающими ее колдовскими предметами быта - черепами, сушеными лягушками и прочим в том же духе.

Ничего подобного! Нас встретила статная, лет шестидесяти, женщина в цветастой кофте навывпуск, а обстановка была самая обычная: большая русская печь, лавки по стенам, в красном углу - киот. Стены, как и в большинстве домов, оклеены плакатами с изображением жизнерадостных трактористов и доярок. Одна из стен увешана связками сушеных трав, и среди них - колокольчик на красной ленте. Мне показалось, что где-то я видела этот колокольчик, но не могла вспомнить, где.

- Что, Аннушка, высматриваешь? - спросила женщина. - Ступу с помелом? У меня ее нету, не смотри, дак.

- Откуда вы узнали, как меня зовут? - вытаращила я глаза.

- А я, подружка божона, вельми много чего знаю, чего другой не знает. Проходите в комнату. Садись, Женюшка, и ты, Лена, садись. Самовар сейчас вскипит, вы, небось, с утра-от не поевши.

Лена открыла было рот, но Женя ее опередил:

- Пелагея Максимовна, а правду нам сказали, что вы от болезней заговорами лечите?

- Может, как болезни и заговариваю.

- Кровь, например, можете?

- Бывает, и кровь заговариваю, и зубную боль, и много чего.

- И привороты знаете?

- Знаю. Я это всё от бабки своей знаю, а она - от своей.

- А можете нам продиктовать эти заговоры?

- Всуе нельзя, - строго сказала Пелагея.

Она принесла самовар, чашки с блюдцами, вазочку с кусковым сахаром. На столе появились круглый домашний хлеб, крутые яйца, творог, топленое молоко под толстой коричневой пенкой.

- Ешьте на здоровье!

Женя пытался гнуть свое - объяснял, что заговоры нужны нам «для науки», но Пелагея упёрлась:

- Всуе нельзя. Грех.

- А вот вы парню из Будылгина, который на вилы напоролся, каким заговором руку вылечили?

- Это особый заговор. У парня-то гангрена начиналась, огневица.

Никакие наши уговоры не действовали.

- Бочка пустая, надо бы воды натаскать, - намекнула она.

Женька тотчас схватил ведра и отправился на озеро за водой. Через полчаса бочка наполнилась, но Пелагея податливей не стала. Так-то она была разговорчива. Рассказала, что муж у нее в войну погиб, осталась она с пятью детьми, всех вырастила. Сын военный, служит в Восточной Германии, старшая дочка - врач в Петрозаводске, младшая - в Пудоже учительница, двое сыновей в Салмозерском совхозе, трактористы.

Женя куда-то исчез.

Лена спросила:

- Тетя Паша, а что вы про людей знаете такое, чего другие не знают?

- Про тебя, подружка, так скажу: одну любовь потеряешь, другую встретишь, но не скоро: через десять лет.

Лена захлопала глазами.

- А у тебя, Аннушка, - посмотрела на меня Пелагея, - всё-то баско будет. Мужик тебе попадет порато хороший. Двух сыновей родишь.

Не успела я переварить эти приятные предсказания, как дверь открылась и вошел Женя. Лицо его было белее известковой стены, к которой он прислонился. По левой руке от локтевого сгиба до запястья тянулась кровавая полоса. Кровь стекала струйками на шейный клетчатый платок, который Женя подложил под рану.

Лена вскрикнула.

- Заговаривайте, тетя Паша, - сказал Женя. - Теперь - не грех.

- Вот это додумался! - не очень удивилась Пелагея. – Вот ты как для науки-от для своей стараешься! Молодец! Быть тебе профессором! Обо что же ты ободрался-то, паря?

- Там гвоздь в заборе, - объяснил Женя.

Пелагея посадила Женю на лавку, села рядом, одной рукой сжала его руку у локтя, другой - у кисти, наклонилась очень близко к ране и зашептала. Я запомнила (а потом записала), потому что Пелагея повторила заговор трижды. Вот эти слова:

«Встану благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду я в чистое поле, погляжу на восточную сторону. На восточной стороне стоит смоляной дуб. На этом смоляном дубу сидит черный ворон. Вынимает из золотого гребешка шелкову нитку, булатну иголку. Зашивает у раба Божия Евгения щипоту, ломоту, рану. Чтобы не было у раба Божия Евгения ни щипоты, ни ломоты, ни раны, ни крови, ни опухоли. Ни днем по солнцу, ни ночью по месяцу, ни по утренней заре, ни по вечерней заре. Ни в какую пору, ни в какой день, ни в какой час, ни в какую минуту.

Отныне до веку, вовеки по веку.

Кровь, стань, боль уймись!»

Кровь остановилась. Пелагея протерла Женину руку чистым полотенцем, смоченным в чае. На месте пореза осталась едва заметная розовая полоска.

Мы - в Рыжково. Сейчас половина первого ночи. Я сижу на порожке высокого сеновала, свесив ноги, словно из двери теплушки, и мне кажется, что мы едем куда-то, очень быстро. Всё меняется, озера, деревни, люди . . . Кажется, что Рыжково - это короткая остановка. Соскочишь сейчас на землю, и товарный

вагон, то есть сеновал, промчится мимо.

Наше жилье и впрямь похоже на товарный вагон, в котором мы ехали на целину. Только там было много народу, а сейчас нас всего трое. Из них – двое влюбленных. Пока я сижу тут, свесив ноги, они там, в глубине, зарылись в сено и шепчутся.

Я слезла по приставной лестнице и подошла к берегу.

Вот и кончились белые ночи. Луна встала над озером и отразилась в рябоватой воде десятками маленьких лун. Словно кто-то невидимый стоял на берегу и бросал в воду золотые монеты. Они погружались медленно и нехотя, а тот, невидимый, все бросал и бросал в озеро монеты.

Когда я вернулась, Женя с Леной все еще шептались. Я расстелила одеяло и легла подальше от них. Мне показалось, что Лена всхлипывает.

Лена вышла-таки замуж за своего Димку и жила с ним без любви и радости, пока через десять лет не ушла от него, забрав дочку, к очкастому ученому-лингвисту, преподавателю Университета, очень похожему на Женьку, и с ним обрела семейное счастье.

Женя после защиты диплома уехал в Алма-Ату, закончил там аспирантуру, защитил кандидатскую, потом докторскую, стал профессором, автором учебника по русскому фольклору.

. . . Не успела я проспать и полчаса, вдруг - шум, жизнерадостный хохот, комсомольский задор - и я попадаю в объятия Тани Макашиной, а вслед за ней - Наташи, Майечки, Марины . . .

Воссоединились!

Юра Новиков, обросший бородой, красивый как лорд Гленорван, предложил всем идти в избу, где жила Екатерина Александровна и где уже расположилась Эрна Васильевна. В честь воссоединения выпили две бутылки портвейна. Хозяевам мы не мешали, они ночевали на поже. Мы рассказывали, перебивая друг друга, о своих приключениях, хвастались приобретениями, пели под Юрину гитару «Синие сугробы», «Тихо по веткам шуршит листопад...», «дым костра создает уют...»

Хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончалась.

